

Фань Гао, мужчина (по авторитетному и весьма обоснованному мнению коллег — девственник чистой воды), позывной в эфире — «Ноль-ноль-три».

Руководство Шестого отдела в свое время руководствовалось одному богу известной логикой, выдав этому толстокожему и на редкость болтливому парню столь утонченный, артистический псевдоним. Настоящее имя Фань Гао покоилось в секретных архивах под семью замками, а его позывной быстро превратился в созвучное «Ван Гог». Впрочем, с великим художником у парня не было абсолютно ничего общего. Вся нелепость этого прозвища вскрылась во время одной из провальных операций, когда их напарница — дама обычно утонченная, элегантная и чертовски привлекательная — не выдержала и закричала в микрофон голосом раненой чайки:

— Тупик! Ты меня в тупик завел, где выход?! Доложи маршрут, маршрут!.. Подсолнух ты гребаный!!! Маршрут!!!

В эфире стоял сплошной ор. С тех пор это прозвище с легкой руки командира закрепилось за «Ноль-ноль-три» как официальная кличка.

— Сама ты подсолнух, и вся семейка твоя подсолнухи! Я не Подсолнух! — орал в ответ «Ноль-ноль-три».

— Малыш, тебе вообще-то уже за двадцать, пора бы делом доказать, что ты мужик, а ты все в девках засиделся, — поддразнивала его «Ноль-ноль-один». — Скоро и правда зацветешь.

— В каком смысле? — не понял «Ноль-ноль-три».

Командир с явным удовольствием вклинился в разговор:

— В том смысле, что когда начальство наконец сподобится лишить тебя невинности, тогда и зацветешь.

«003» лишился дара речи, а потом выдал:

— Отвалите! Еще чего захотели!!!

За дерзость послать начальство в прямом эфире парню явно светила кара в виде жесткой взбучки. Пэй И пристально разглядывал круглое лицо подчиненного, словно на нем и впрямь вот-вот должен был распусться огромный, ярко-желтый подсолнух.

— В общем, взломать комп этого Ильи ты так и не смог? — задумчиво спросил Пэй И.

Фань Гао лишь виновато развел руками — защита на серверах «Пустынного Медведя» оказалась слишком серьезной. Он едва не уткнулся носом в колени шефа, преданно заглядывая

тому в глаза.

— А-Куй, ты чего ко мне прижимаешься? Чего уставился? — усмехнулся Пэй И.

— Да вы просто красавчик, босс! — тут же расплылся в лстивой улыбке младший. — Ну согласитесь, я ведь тоже мужчина. Неужели вам не приятно, когда на вас смотрят с таким обожанием?

«Гейша» картинно закатила глаза: «Сладкая парочка, хорош уже».

— Не особо приятно. Тоже мне, нашелся мужчина, — фыркнул Пэй И и мотнул головой в сторону молчаливого снайпера. — Ты бы лучше А-Цзэ предложил на меня полюбоваться. Глядишь, к вечеру у меня на него и встанет...

«Ноль-ноль-два», который в этот момент мирно пил воду в углу, обнимая кейс с винтовкой, поперхнулся и выплюнул все прямо на физиономию Фань Гао. Уши у снайпера мгновенно вспыхнули пунцовым. Весь этот балаган в группе А решительно выходил за рамки нормального — гетеросексуальному мужчине здесь ловить было явно нечего.

— Будете и дальше нести эту херню, я сдам оружие и уволюсь, — буркнул «Ноль-ноль-два» с каменным лицом. Иногда ему было по-настоящему не по себе под пронизательным, гипнотическим взглядом командира.

— О, сдашь мне свое оружие? — вкрадчиво прошептал Пэй И. — Какое именно? Дай-ка я его сперва проверю. Если ствол рабочий, так и быть, пощажу.

Не Янь не выдержала, со смехом повалилась на плечо Пэй И и шутливо ущипнула его за щеку. Оскорбленный в лучших чувствах снайпер попытался резко встать, но тут же с глухим стуком приложился макушкой о потолок грузового лифта. Пэй И притворно ахнул и принялся заботливо гладить его по голове: «Ой-ой, тише, мой хороший, не уходи!»

Фань Гао так хохотал, чуть не выронив из рук портативную спутниковую станцию.

Но шутки шутками, пора и честь знать. Веселье мгновенно испарилось, уступив место рабочей сосредоточенности.

Пэй И замер, его лицо сделалось собранным и холодным. Понизив голос до едва различимого шепота, он произнес:

— Илья уже наверняка получил ответ из Яньчэна. Тот самый перехват моей вчерашней шифровки. Эти ребята работают чертовски быстро. Так что... скорее всего, карты раскрыты. Он знает, что наша группа на борту. И что я тоже здесь.

Пэй И говорил одними губами, его голос тонул в низком гуле работающих механизмов лифта. Но чем тише звучали его слова, тем опаснее была ситуация.

— Думаете, он успел среагировать так быстро? — спросила единственная женщина в их команде, срывая с головы аляповатый парик.

Под ним скрывались стильно подстриженные черные волосы. Ломаное, асимметричное каре смотрелось дерзко и дорого, но ради маскировки его пришлось спрятать под дешевой с рынка, мгновенно превратившей утонченную леди в вульгарную девицу из привокзального бара.

— Сегодня на закате на верхних палубах удвоили охрану, — тихо пояснил Пэй И. — Все спящие агенты на борту пришли в движение. Они прочесывают средние и нижние трюмы, шмонают даже первый класс. В ресторанах наши люди засекли свежие жучки. Такая суeta на пустом месте не поднимается. Он нас ищет.

Каждый из присутствующих мысленно закончил эту фразу:

«Ищет именно нас».

Как и во время проваленной операции в Сахаре, когда произошла утечка данных, Пэй И подозревал, что в их ведомстве завелась крыса. Враг просчитывал каждый их шаг, умудряясь раз за разом ускользать из сетей и заманивая Пэй И — словно нарочно — из порта Барселоны на этот плавающий замок. Обе стороны готовились к этой встрече, и маски неизбежно должны были быть сброшены.

И не важно, везет ли это судно контрабанду или нет. Если «Пустынный Медведь» уже ждет его здесь, готовясь к реваншу за былые обиды в песках, то появление на сцене Чжан Шаочи — фигуранта отнюдь не случайного — могло сыграть Пэй И на руку. Оставить за собой тонкий след, намекнуть «второму дяде», что его раскрыли (растерзанная сигара в пепельнице, едва заметные следы пальцев на дверце шкафа) — это был обдуманный ход. Чжан-цзун не дурак, он поймет. Поймет и призадумается, стоит ли соваться в это пекло.

Только этот мужчина мог расшифровать подобные знаки. Для остальных это была бы лишь досадная небрежность.

— «Пустынный Медведь» никогда не станет доверять китайскому посреднику, — Пэй И опустил на одно колено, оперевшись рукой на плечо Фань Гао. На экране планшета и бумажной схеме лайнера он быстро набросал маршруты и укрытия. — Он просто использует Чжан Шаочи, чтобы провернуть сделку, которая слишком светится. Но в последний момент Илья легко вышвырнет его за борт, зажав обещанные двадцать процентов комиссии. Этот ублюдок никогда не держит слово.

— А-Цзэ, ночью работаем раздельно. Выходим вот по этому вектору. Цель должна появиться здесь. Ошибиться нельзя, бьем наверняка. Ты прикрываешь и загоняешь его в сектор,

встречаемся в точке randevu, — Пэй И ободряюще похлопал напарника по плечу.

Чжун Цзэ молча взгляделся в экран, запоминая каждую деталь маршрута, и коротко кивнул. В спокойном состоянии майор казался воплощением безмятежности. Но когда эта безмятежность испарялась, его винтовка говорила быстрее и убедительнее любых слов — без лишних сантиментов и предупредительных выстрелов.

— Дахуа, ты на периметре, на подстраховке, — скомандовал Пэй И, взглянув на Не Янь.

— Будет сделано, мальчики! — улыбнулась женщина, склонившись над картой. Ее длинные локоны случайно задела лицо снайпера.

Чжун Цзэ попытался сдуть мешающую прядь, но та лишь сильнее прилипла к его щеке. Вздыхнув, он аккуратно убрал ее рукой. На его скуле все еще алел след от недавней пощечины — результат слишком эмоциональной сцены, которую они разыграли для посторонних ушей.

Короткие приказы, сосредоточенное молчание, обмен понимающими взглядами. Команда начала собираться, проверяя снаряжение. Им нужно было расходиться.

Его боевые товарищи, привыкшие балансировать на грани жизни и смерти, общались в основном язвительными шутками в закрытом радиоэфире — иначе в их собачьей работе можно было просто сойти с ума. А за бортом тем временем густела ночь, и лунный свет дрожал на гребнях беспокойных волн.

Та же луна заглядывала в панорамное окно каюты Чжан Шаочи, серебра мраморную столешницу в ванной.

Выйдя из купели, Чжан-цзун набросил на плечи белую рубашку, даже не потрудившись застегнуться. Капли воды стекали по его груди к рельефному прессу, пропитывая пояс белья. Раньше у него был тот, кто слизывал эту влагу до последней капли, теперь же приходилось сохнуть самому. Остужать внутренний жар холодным сквозняком, глушить одиночество привычным безразличием.

Он достал из шкафа туфли, приготовленные на завтра. У этого властного мужчины была одна забавная, скрытая от чужих глаз слабость — он обожал сам ухаживать за своей обувью.

Особой гордостью его коллекции была пара, сшитая вручную. Последние пару лет, спасаясь от тоски и безделья, он проводил по несколько месяцев в Италии, беря частные уроки у мастеров старой обувной мануфактуры семьи Стефано. Эти туфли были его личным шедевром: сам снимал мерки, кроил кожу, шил, красил и оставил на подошве собственное клеймо.

Такое хобби помогало скоротать время, да и задатки хорошего ремесленника у него явно имелись. Чжан Шаочи вообще отличался изрядной долей самолюбования и упрямства, предпочитая переживать свои драмы в тишине. За долгие годы он повидал немало дерьма и привык рассчитывать только на себя. Незаменимых людей нет, мир не рухнет, если кто-то ушел.

Закончив полировать мыски до зеркального блеска, он бережно провел пальцами по ранту подошвы. Взгляд мужчины на мгновение затуманился, словно его укачало на легкой волне.

Тонкий писк смартфона прервал его мысли. На экране высветилось имя Сюй Жаня. Принцессе Жань тоже не спалось в соседней каюте — парень изнывал от безделья и жаждал внимания, буквально выпрыгивая из экрана входящим видеозвонком.

Чжан Шаочи принял вызов. На его лице застыла привычная маска холодного превосходства:

— Чего тебе?

Сюй Жань томно заныл, катаясь по простыням в одних трусиках и прижимая к губам розовый вибратор, который тихо жужжал на минимальной мощности.

Вид этого недоразумения заставил Чжан Шаочи усмехнуться.

— Совсем крыша поехала? — сухо поинтересовался он. — Ты его еще вместо леденца полижи.

— Я представляю, что это вы... Придете ко мне? — капризно протянул парень, явно польщенный этой редкой, мягкой улыбкой сурового босса.

Раньше он видел в Чжане только ходячий кошелек, но сейчас вдруг понял, насколько этот мужчина чертовски привлекателен.

Жань был глуповат, капризен и порочен, но свою работу по обслуживанию спонсора знал туго — в постели из кожи вон лез, лишь бы угодить. Для содержанки — качество неоценимое. И все же Чжан Шаочи нажал кнопку отбоя, стерев улыбку с лица.

В молодости он и сам был не прочь повеселиться, но с возрастом стал брезглив и закрыт для случайных связей. Он не любил пускать посторонних в свою постель и уж тем более — в душу. Дело было не в стыдливости. Просто близость для него всегда оставалась вопросом чувств, созвучием двух людей, а не банальным трением плоти. Но мало кто способен это понять.

Лунный свет заливал постель. Чжан Шаочи раскинулся на простынях, закинув руку за голову. Капли пота выступили на его загорелой коже, когда он прикрыл глаза, пытаясь унять глухую, ноющую боль где-то под ребрами.

Внезапно он резко поднялся, словно ведомый безумным импульсом. Шагнув к шкафу, он вытащил чистую белую футболку, натянул ее на подушку и туго перетянул кожаным ремнем, выдернутым из брюк. Запах хорошей кожи выбивал его из колеи, лишая остатков самообладания. Прижав этот нелепый кокон к лицу, Чжан Шаочи глухо застонал, впиваясь зубами в ткань...

Его тяжелое, рваное дыхание постепенно стихло.

Он и не подозревал, что каждая секунда этой интимной слабости транслируется в прямой эфир. Перед заселением он проверил номер на предмет жучков от русских, но сегодня потерял бдительность. А под абажуром прикроватной лампы, прямо у самого патрона, притаился крошечный, сверхчувствительный микрофон, улавливающий даже скрип кроватных пружин.

Оставленная на тумбочке записка была лишь грубой отвлекающей деталью. Настоящая игра шла через этот скрытый передатчик.

Они находились на одном корабле, разделенные всего несколькими палубами, но между ними лежала пропасть. Они избегали встреч, прятали взгляды, но сейчас их души соприкасались в невидимом радиоэфире.

Пэй И слушал эту запись один. Когда задыхающиеся хрипы Чжан Шаочи стали слишком откровенными, а ритм его движений — яростным и пугающим, оперативники в темном лифтовом холле тактично отвели глаза.

— Переключите канал только на меня, — негромко приказал Пэй И. — Вам это слушать ни к чему.

Свет в шахте лифта мигнул и погас, оставив их в полумраке. Лишь один тусклый индикатор отбрасывал желтоватые блики на лица замерших людей. Пэй И прижал наушник плотнее к уху, не упуская ни единого вздоха своего бывшего любовника.

Не Янь, поправляя парик, выразительно посмотрела на коллег через зеркальце пудреницы и тихо вздохнула.

— Босс, может, попробуем зайти с козырей? — не выдержал Фань Гао, понизив голос. — Ну, там, бывшие чувства, нежные объятия... Может, по-хорошему с ним договоримся?

— По-хорошему? — Пэй И горько усмехнулся. — Ты думаешь, Чжан Шаочи из тех, кто покупается на жалость?

— На жалость — нет, а вот на вас — очень даже... — пробормотал парень, и Не Янь согласно

закивала.

— У меня нет времени подбирать к нему ключи и угадывать, какая поза ему сегодня по душе, — отрезал Пэй И. — Играем жестко. Приманим зверя, расставим силки и нанесем удар. Нам нужно выбить из него координаты заложников или местонахождение «смертоносных сигар». Мы заставим Чжан Шаочи сделать выбор.

Если бы их целью был простой заказ на ликвидацию террориста, голова «Пустынного Медведя» уже давно лежала бы в мешке, а группа А летела бы домой за орденами. Но ситуация была куда более взрывоопасной: на лайнере с тысячей гражданских лиц находились опасные заложники и биологическое оружие. Любая ошибка могла превратить этот рейс в ад, повторив трагедию в Барселоне.

— До сих пор мы топчемся на месте. Мы не знаем, где прячут «Цель номер два» и есть ли «Цель номер три». Без точных координат штурм невозможен. Нельзя допустить, чтобы Илья сошел на берег и передал груз покупателям. А значит, переходим к плану «Б». Начнем с Чжана.

Остальные молча согласились. Пэй И не стал добавлять вслух:

«Если ты выберешь чужую сторону, Шаочи, я уничтожу тебя собственными руками...»

Приказы отдавались ровным, сухим тоном, но кожа на шее оперативника едва заметно подрагивала у самого микрофона. Этот жест выдавал его внутреннее напряжение, скрытое от чужих глаз за маской профессионального хладнокровия.

Ему тоже хотелось просто постучать в его дверь, поговорить без оружия и шпионских игр. Но времени не оставалось.

Ему было двадцать восемь. Из них двадцать лет он знал Чжан Шаочи.

Им не нужны были слова или долгие прелюдии, чтобы понять желания друг друга. Один взгляд — и все становилось ясно.

Но на том далеком, туманном перекрестке судьбы они свернули в разные стороны, растеряв то ценное, что их связывало. Было ли это ошибкой или неизбежностью — теперь уже не важно. Они разошлись, и каждый пытался убедить себя, что так будет лучше.

Этот ржавый, но пафосный плавучий дворец скрывал под своим блеском слишком много грязи. Чтобы вытащить глубоко засевшую занозу, Пэй И требовался надежный инструмент. Вопрос был лишь в том, согласится ли Чжан Шаочи стать этим инструментом — или сам окажется той самой занозой, которую придется вырвать с корнем.

Пэй И коротко стукнулся кулаками с напарниками, прощаясь до начала операции.

Когда оперативники растворились в темноте технических коридоров, в воздухе остался лишь едва уловимый шлейф дорогого парфюма, медленно тающий в холодной сырости лифтовой шахты...

<http://bllate.org/book/19434/1951384>